

Как эта группа старых кадров с фермы попала сюда в те годы, знали все, поэтому никто не смел выказывать им неуважение — особенно теперь, когда они могли вернуться на свои прежние посты.

Уведомлений о назначении было три: на имя Цзэн Ихуа, Ли Цзиго и Лу Жуя. Они прибыли из трех разных провинций и городов, из разных ведомств, и даты утверждения тоже различались. Но поселок Биньцзян был слишком глухим местом, почтальон приезжал всего раз в неделю, и три документа доставили как раз одновременно.

Первой реакцией Цзи Цзяньго было стремление со всех ног прибежать в школу, отпросить Цзи Юаня с уроков и привести его обратно на ферму попрощаться со стариками.

Старики на ферме были воодушевлены: отъезд Цзэн Ихуа и остальных служил сигналом, что следом один за другим они тоже вернутся на свои прежние места. Испытывая воодушевление, они в то же время ощущали в глубине души горечь расставания. Они прожили здесь почти десять лет, вместе изведали нужду и тяготы, встречали дурных людей и получали помощь от хороших, трудились днем и по ночам втайне обсуждали пути государственного управления.

А еще — вместе растили ребенка.

— Дедушка!

Цзи Юань уже знал обо всем по дороге, и хотя внутренне был готов, все равно почувствовало, как защипало в глазах. Едва войдя на ферму, он соскочил с велосипеда и бросился в объятия Цзэн Ихуа.

Когда прежде его считали дурачком, кроме членов семьи Цзи, лишь эта группа стариков искренне любила его и воспитывала, и он всегда относился к ним как к родным дедушкам. Внезапное расставание одновременно радовало его за них и заставляло чувствовать тяжесть и слезы на глазах.

— Ну надо же, чего это мальчишки плачут, — Цзэн Ихуа похлопал Цзи Юаня по спине, и, видя покрасневшие глаза мальчика, сам почувствовал щемящую боль в сердце.

Цзи Юань плотно сжал губы и по очереди обнял Ли Цзиго и Лу Жуя:

— Поздравляю с возвращением домой, дедушки. Я буду писать вам письма, а в будущем приеду навестить.

Лу Жуй с улыбкой подхватил его на руки:

— Говорить прощай еще рано, мы ведь уезжаем не сегодня.

Поселковый староста глядел на Цзи Юаня, которого так любовно держал на руках Лу Жуй, а затем перевел взгляд на стоявшего рядом Цзи Цзяньго, выказав на лице выражение зависти.

В те годы все эти сосланные кадры считались преступниками, и каждый держался от них подароль, говорили, что о них заботился лишь один Цзи Цзяньго. После реабилитации многие вернулись в город, и только эта группа старых кадров осталась, как поговаривали, в ожидании распоряжения сверху. Староста думал, что у них нет связей и это никому не нужные старики, и из сострадания отправлял им предметы первой необходимости, но не более того — близких отношений с ними он не поддерживал.

Кто бы мог подумать, что сегодня внезапно придут три уведомления: одно — на заместителя министра или начальника управления провинциального уровня, и два — на руководителей департаментов или бюро. Подсчитав про себя, сколько еще старых кадров оставалось на ферме, староста почувствовал, что у него подкашиваются ноги.

Как же все-таки повезло Цзи Цзяньго! Почти десять лет делить с ними горе и радость — трудно даже вообразить, какую поддержку он теперь получит в будущем.

В дальнейшем, к моменту окончания промежуточных экзаменов у Цзи Юаня, поступило еще четыре документа с уведомлениями.

Вслед за этим подошло время родительского собрания.

Поселок Биньцзян находился в глуши, цивилизация здесь отставала, не было ни кинотеатров, ни книжных магазинов, а радиоприемники не ловили сигнал. Жизнь людей, если выражаться красиво, называлась спокойной и размеренной, но на деле изо дня в дни проходила в праздности. Поэтому, когда было объявлено о проведении очередного родительского собрания, помимо самих родителей учеников, сюда поглазеть прибежало немало бездельников.

Цзи Юань, разумеется, шел в составе всей семьи: Ли Шулань и Цзи Цзяньго специально отпросились с работы, чему Цзи Лаогэнь, напротив, огорчился.

— Сразу предупреждаю, представителем родителей буду я, — опасался он, как бы сын не отнял у него место родительского представителя.

Цзи Цзяньго с улыбкой кивнул:

— Хорошо-хорошо, отец, будешь представителем ты.

В конце концов, Юань-Юань учится только в первом классе, и впереди еще будет уйма возможностей побыть родительским представителем — он не собирался спорить с родным отцом.

Цзи Юань немного тревожился. Он написал обе контрольные на сто баллов, и деду, казалось, это казалось великим достижением — тот даже рассчитывал покрасоваться на родительском собрании!

Но ведь это первый класс начальной школы, задачи там настолько простые, что и думать не нужно. Детей, получивших сотни по обоим предметам, набралось несколько человек, а остальные малыши тоже имели баллы в районе восьмидесяти-девяностидесяти, так что он предполагал, что учитель вряд ли станет его как-то по-особенному расхваливать. Сам он в школе держался скромно и никогда не показывал вида, что умнее и сильнее других детей — в конце концов, подавлять первоклашек было поистине стыдно.

На родительское собрание отправлялась, конечно же, не только семья Цзи; почти все соседские семьи собирались присутствовать, поэтому родители договорились о времени и пошли в школу вместе. Вышли немного заранее: родительское собрание было назначено на два часа дня, а все родители тронулись в путь уже в час.

Шли по дороге и болтали, и громче всех среди них голосила Чжан Эрмэй. Оба ее сына учились в начальной школе, поэтому идти должны были оба супруга. Но, по слухам, Ли Чжу хотел на работу, из-за чего Чжан Эрмэй устроила грандиозный скандал, заставив Ли Чжу отпроситься с завода. Несмотря на это, гнев ее не утих.

— Сестрица Ван, посудите сами, родительское собрание — такое важное дело! Ладно еще, когда собрание было у А-Цзяня, он не пошел — в конце концов, есть же я! Но на этот раз у А-Мина и А-Синя оба ребенка, а он все равно не идет. Что люди подумают? Решат, что у моих сыновей вообще нет родителей, до чего же стыдно? — Среди общего веселья и смеха резкий голос Чжан Эрмэй резал слух. — Ни разу не видела, чтобы он переживал из-за детей, денег зарабатывает кот наплакал, а А-Цзянь захотел велосипед, так он даже его купить не может...

— Есть деньги — покупай сама, — невозмутимо парировал Ли Чжу.

Чжан Эрмэй запнулась, взбешенная до предела:

— Ах так! Ли Чжу, ты даже велосипед купить не в силах, да у тебя еще хватает наглости пререкаться со мной! Ну я тебе покажу...

На глазах у стольких людей она замахнулась, чтобы ударить его.

Шедшие рядом люди поспешно перехватили ее руки, чувствуя себя крайне неловко.

Шли на родительское собрание в хорошем настроении — с какой стати им еще разбираться в чужих семейных скандалах?

Цзи Юань с сочувствием посмотрел на дядю Ли Чжу: судя по всему, дядя Ли Чжу подвергался

домашнему насилию!

— Сегодня же родительское собрание, ради детей прекратите ссориться! — уговаривали соседи, и Чжан Эрмэй наконец унялась, хотя продолжала ворчать себе под нос, не замечая, что все окружающие исподволь держатся от нее подальше.

Братья Чжан чувствовали себя невероятно пристыженными, стояли в сторонке, насупившись, и даже не пытались их унимать. Чжан Синь поднял голову и увидел Цзи Юаня, которого близкие оградили от толпы. От зависти у него покраснели глаза: его папа и мама теперь почти не занимались ими, только и делали, что ругались. Раньше он непременно нашел бы случай поиздеваться над глупым Цзи, но после того, как его избили, он больше не осмеливался, хотя на душе все равно кипела обида. Почему все так благоволят глупому Цзи и не любят его, умного?

— Юань-Юань, там шумно, иди сюда, — Ли Шулань даже не стала приближаться. Хотя ей и было жаль Ли Чжу, защита сына волновала ее куда больше, и она отвела мальчика в сторону, подальше от Чжан Эрмэй.

Незадолго до этого Чжан Эрмэй лишила работы сына сестрицы Чжоу, из-за чего семейство Чжоу несколько раз устраивало скандалы, и ей пришлось выплатить тридцать юаней отступных. Кроме того, завод несколько раз отправлял ее в неоплачиваемые отпуска, так что зарплата за этот месяц обещала быть мизерной, отчего характер женщины портился все сильнее. Раньше она косо смотрела только на Ли Шулань, но теперь ее раздражал любой, у кого была работа, и она дошла до того, что стала всеобщей отщепенкой.

Оставив позади Чжан Эрмэй, родители снова принялись весело щебетать и вскоре добрались до школы.

На классных досках в конце каждого кабинета уже вывесили списки успеваемости. Поскольку в первом классе слишком много детей набрали по сотне баллов, учитель добавил оценки за поведение на уроке, и в результате Цзи Юань, который вел себя послушнее всех и при этом неизменно отвечал на вопросы, занял первое место в классе.

Семья Цзи из трех человек стояла перед таблицей успеваемости первоклассников и восторженно радовалась, глядя на имя Цзи Юаня на первой строчке. Цзи Лаогэнь огляделся и, заметив, что многие родители уже заняли места своих детей, поспешно спросил Цзи Юаня:

— Юань-Юань, где твоя парта?

— На третьем ряду, — Цзи Юань указал нужное место, и Цзи Лаогэнь, радостно ухватив его за руку, поспешил туда усаживаться.

Школьные парты и стулья были очень маленькими, и Цзи Лаогэнь устроился за ней с большим трудом, теснясь. Он попытался посадить Цзи Юаня себе на колени, чтобы сидеть вместе, но

мальчик отказался. Цзи Лаогэнь очень огорчился, ведь остальные малыши висели на родителях и ни за что не хотели слезать, и ему тоже хотелось, чтобы внук поластился к нему.

Вскоре родительское собрание началось, и всех детей попросили выйти из класса, оставив только взрослых. Цзи Лаогэнь тут же выпрямился, а Ли Шулань и Цзи Цзяньго встали на задних рядах вместе с остальными родителями.

Первоклашки не понимали смысла родительского собрания и воспринимали это лишь как день, когда не нужно учиться и можно вволю поиграть, поэтому они весело толпились на школьной спортивной площадке, прыгая через резинку и бросая мешочки с песком. Цзи Юань немного попрыгал вместе со всеми, а потом присел в сторонке понаблюдать. Цзи У в это время играл неподалеку в настольный теннис, а заметив Цзи Юаня, подбежал к нему и спросил:

— Юань-Юань, ты на каком месте?

— На первом. А братец Сяо-У?

Цзи У плюхнулся рядом и тяжело вздохнул:

— На двадцать шестом. Хана, дома папа точно задаст мне трепку.

Успеваемость Цзи У была вполне сносной, по каждому предмету он набирал по семьдесят-восемьдесят баллов, что было куда лучше, чем у его старшего брата. Раньше списков не составляли, и дома судили об успехах по тому, у кого выше балл, но теперь, когда ввели рейтинг, да еще и на фоне внезапного триумфа Цзи Юаня, Цзи У пришлось туго.

Цзи Юань утешительно похлопал его по плечу:

— Двадцать шестое место — это на самом деле неплохо.

Цзи У опустил голову:

— Беда в том, что в нашем классе всего тридцать пять человек.

— ... — Ну что ж, последнее десятое место — поистине двусмысленная позиция.

Место, на котором родитель мог как побить, так и пожалеть.

Начальная школа Хунсин сегодня открыла ворота, и помимо настоящих родителей поглазеть прибежало множество жителей из окрестностей. Особенно те взрослые, которые сами никогда не учились: они с любопытством осматривали каждый уголок школы и даже норовили

заглянуть в туалет. Старый сторож бездельничал у школьных ворот, время от времени поглядывая на детей на площадке, но, повернув голову, вдруг увидел, как к школе направляется целая ватага стариков.

Эх, до чего же праздное нынче время пошло, даже старики ходят толпами! Раньше где было сыскать столько праздных людей — целыми днями пахали до полусмерти, а вдоволь поесть так и не могли, зато теперь жизнь становится все лучше и лучше.

Пока старый сторож предавался таким мыслям, шедшая группой вереница стариков уже приблизилась. Сторож поднял голову и аж подскочил. Инстинктивно он вскинул руку в воинском приветствии, но тут же опустил ее.

Раньше он служил в армии и видел высших командиров, а те десятка с лишним человек, что предстали перед ним сейчас, казались ему едва ли не генералами — он едва не отдал честь со страху. Однако, приглядевшись получше, он заметил, что хотя осанка у всех была как на подбор, одеты они были в поношенные рубашки, на ногах болтались свободные брюки в западном стиле да матерчатые туфли, выглядели они простовато и никак не вязались с людьми высокого положения.

Тем не менее старый сторож поднялся и с почтением спросил:

— Товарищи, вы пришли на родительское собрание?

— Да, — группа пожилых товарищей ответила весьма дружелюбно, с улыбкой пояснив: — У нас здесь учатся дети, вот мы и решили заглянуть. Уважаемый, мы можем войти?

— Можно, можно, сегодня школа открыта для всех, заходите.

Впустив их за ворота, старый сторож со всех ног бросился докладывать директору. Все они были людьми той эпохи и отличались особой осторожностью.

Цзи Юань как раз беседовал с Цзи У, когда вдруг увидел, как в школьные ворота входит группа внушающих трепет стариков. Он вскочил, подбежал к ним и удивленно воскликнул:

— Дедушки?

Пришедшими оказались именно дедушки с фермы. Раньше они никогда не упоминали, что собираются прийти, и он никак не ожидал встретить их здесь сегодня.

Цзи Юань с улыбкой спросил:

— Юань-Юань, как ты написал экзамен, какое место занял?

— Первое.

Дедушки наперебой принялись его хвалить:

— Какой же Юань-Юань умница, просто молодец!

Снова пошли детские похвалы.

Цзи Юань улыбнулся, поддержал под руку самого старшего дедушку Чжоу и, сопровождая их, спросил:

— Дедушки пришли сегодня на родительское собрание или просто школу посмотреть?

— Сначала на родительское собрание, а потом школу посмотрим. Где твой класс? — поинтересовался один из дедов.

Цзи Юань повел их к кабинету. Поскольку класс находился на первом этаже, перед дверью столпилось больше всего родителей и зевак, теснившихся и толкавшихся плечами. Увидев такую картину, дедушки с фермы поняли, что протиснуться внутрь не удастся, и тоже встали снаружи, прислушиваясь.

В классе учитель как раз по очереди рассказывал об успеваемости учеников. Гости опоздали, и разбор результатов Цзи Юаня уже завершился. Впрочем, скучать никому не приходилось: они продолжали слушать, а когда учитель принимался критиковать чью-то детскую проказливость и глупые выходки, в толпе раздавался дружный смех. Дедушки то и дело косились на Цзи Юаня, воображая, не вел ли себя этот ребенок в школе точно так же баловливо, и от этого им становилось еще веселее.

Цзи Юань не захотел толкаться в толпе и снова побежал на площадку играть с Цзи У в настольный теннис.

Получивший извещение от сторожа директор Вэй поспешно прибежал к месту событий. Ему даже не понадобилось подсказки сторожа — хватило одного взгляда на толпу у класса, чтобы понять, кто перед ним: уж слишком заметной была их выправка. Он мягкой поступью приблизился к ним и, выказав уважение, но без заискивания, поинтересовался:

— Прошу прощения, товарищи, чьими вы будете родителями?

Цзи Цзэн Ихуа с улыбкой кивнул на игравшего на площадке Цзи Юаня, а затем поинтересовался фамилией директора Вэя, местный ли он житель и так далее — завязалась неторопливая беседа. Вскоре директор Вэй уже горячо приглашал их в свой кабинет выпить чаю. Все они были выходцами из той эпохи, у них нашлось множество общих тем для разговора, и директор Вэй почувствовал, что они встретились слишком поздно, даже угостив

их своим заветным чаем.

В процессе беседы выяснилось, что они пришли навестить именно Цзи Юаня, а затем, слушая бесконечные похвалы стариков уму мальчика, директор сам не заметил, как дал согласие на перескок Цзи Юаня через класс.

Цзи Цзэн Ихуа и остальные уже слышали от самого Цзи Юаня о его желании перепрыгнуть класс, поскольку программа первого класса казалась ему слишком простой и он считал это пустой тратой времени. Приняв во внимание, что Цзи Юань помнил все из времен своего слабоумия и прекрасно усвоил то, чему они его учили, деды тоже сочли, что мальчику следует перепрыгнуть через класс.

И правда, ребенок, в воспитание которого они вложили столько сил, явно не нуждался в повторном прохождении начального этапа школьного образования.

В какой именно класс следует поступить Цзи Юаня, Цзи Цзэн Ихуа и остальные решать не стали, передоверив это дело профессионалу — директору Вэю.

Присущая директору Вэю осторожность обычно ни за что не позволила бы ему согласиться на подобное: он больше всего боялся эксцентричных учеников, которые могли создать ему проблемы. Но, выслушав наставления старых кадров, он тоже подумал, что времена нынче другие и больше никто не посмертнет чинить ему препятствия, а будучи педагогом, он и сам желал растить одаренных учеников — вот почему он дал добро.

Впрочем, ради приличия он все же съездил в город посоветоваться со знакомыми и, узнав, что городские школы всячески поощряют талантливых детей перескакивать через классы, окончательно успокоился.

Конечно, это было уже потом. Сам Цзи Юань ничего об этом не знал, а после родительского собрания вновь погрузился в пучину испытаний. Ведь на собрании учитель не только расхваливал Цзи Юаня за рассудительность, понятливость и сообразительность, но и вскользь обронил, что Цзи Юань не слишком общителен и чуточку боязлив — причиной тому послужило то, что во время игр он никогда не спорил из-за победы или поражения: стоило сопернику расплакаться или поднять шум, как мальчик тут же сдавался, и учитель счел его робким и нерешительным.

Семья Цзи страшно встревожилась.

Их сокровище Юань-Юань, оказывается, обижают в школе!

Но поскольку обидчиком был другой ребенок, они не могли предъявлять тому претензии, а оставалось лишь попытаться сделать Цзи Юаня сильнее.

Цзи Юань: «...»

Он просто не хотел сводить сны с детьми из-за какой-то ерунды — неужели доведение ребенка до слез считается великой доблестью? С какой стати его записали в трусы и рохли?

Хотя Цзи Юань честно пытался объясниться:

— Хотя я и выиграл, Сяо-Сяо был уже готов расплакаться, поэтому я уступил и признал поражение.

К сожалению, домашние ему не поверили: Юань-Юань весь такой мягкий и нежный, с какой стороны ни посмотри, выглядел ребенком, которого проще всего довести до слез.

На сцену вышли Цзи Лаогэнь и Цзи Цзяньго. Отец и сын, испившие до дна все тяготы жизни и сумевшие выстоять в любые невзгоды без единого поражения, были уверены, что сумеют правильно воспитать сына, и с места в карьер заявили:

— Если кто-нибудь впредь посмеет тебя обидеть — бей в ответ, даже если не сможешь победить, все равно дерись! В семье Цзи не позволено сбегать без боя. Конечно, если противник тебе явно не по зубам и он еще ребенок — ищи Цзи Юна, а если взрослый — зови нас.

— ..._- — Цзи Юань молча посмотрел на них, а затем перевел взгляд на помрачневшую Ли Шулань.

Ли Шулань, будучи педагогом, разумеется, не могла позволить им так учить ребенка, увела Цзи Юаня в комнату и мягко произнесла:

— Юань-Юань, не слушай своего отца. Настоящий муж умеет и согнуться, и разогнуться, иногда вовремя отступить — вовсе не позор, на первом месте всегда стоит безопасность. Но уступать лишь потому, что другой поднимает крик или слезы — никуда не годится. Ты пока мал и всего лишь играешь, так что сказать я проиграл — пустяк, но если в будущем ты станешь адвокатом или полицейским, а преступник начнет плакать и прикидываться несчастным, неужели ты тоже сдашься?

Слова звучали здраво, и Цзи Юань кивнул:

— Мама, я так не поступлю.

Ли Шулань продолжила:

— К тому же тот мальчик по имени Сяо-Сяо подхватит твою привычку и решит, что стоит ему

заплакать или устроить истерику, как соперник сразу ему уступит. Если он не будет стараться, а станет только реветь, кто будет уступать ему, когда он вырастет?

Цзи Юань на мгновение замер: хотя ему казалось, что до такого не дойдет, он все же испугался, как бы все и вправду не обернулось подобным образом. У него не было собственных детей, но время от времени до него доходили слухи о том, как какая-нибудь мелочь из детских лет приводила к искажению жизненной позиции человека.

Он мгновенно посерьезнел:

— Я понял, мама, больше я никогда никому не буду уступать.

Ради исправления потенциально искривленного мировоззрения малыша Сяо-Сяо, Цзи Юань специально снова сыграл с одноклассниками в ту же игру, целенаправленно на сей раз атаковав Сяо-Сяо, и победил. Сяо-Сяо, предсказуемо, снова поднял рев, пытаясь заставить Цзи Юаня признать поражение. Разумеется, на этот раз Цзи Юань ни за что не уступил, а вместо этого отчитал Сяо-Сяо за то, что тот должен полагаться на собственные силы, а не добывать победу слезами. В конце концов, никто не обязан поддаваться ему только потому, что он плачет.

Малыш Сяо-Сяо, впервые в жизни удостоившийся такого выговора от Цзи Юаня, опешил и залился горькими слезами.

Остальные дети с шумом разбежались, весело хохоча:

— Ха-ха-ха, Ли Сяо-Сяо ревет! Цзи Юань отругал его и довел до слез! Ха-ха-ха, плакса Ли Сяо-Сяо получил нагоняй от Цзи Юаня!

Цзи Юань: «...»

Вот ведь банда несносных детишек: стоит другу расплакаться, как они даже не пытаются его утешить, только и могут, что устраивать галдеж!

В школе еще ладно — в конце концов, дети есть дети, Сяо-Сяо выплакался и тут же забыл обо всем, продолжая охотно играть с Цзи Юанем. Только вот характер его почти не изменился, и проиграв, он по-прежнему любил поскандальить. Но кроме Цзи Юаня, остальные дети ему больше не поддавались, и плакать он при них больше не пытался, так что Цзи Юаню оставалось лишь заниматься самоанализом.

Учитель ведь и впрямь учил его когда-то: его уступки никто не оценит по достоинству, к ним просто привыкнут и сядут на шею, поэтому всегда нужно бороться за победу во всем, а если не справляешься — звать учителя... Как же это вдруг стало похоже на его отца!

Разве не так ведут себя старшие, балующие младших?

Не успел он мысленно вспомнить взрослую учительницу из будущего, как явился учитель из подростковых лет. Он пришел вместе с Цзи Юном, и вид у него был не слишком довольный:

— Я слышал, тебя снова обижают в школе...

<http://bllate.org/book/22417/2353567>